

УДК 81'373.45

Ротарь В.В.

Московский государственный областной университет

**ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУТЕВЫХ
ЗАПИСОК И ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЕЙ)**

V. Rotar

Moscow State Regional University

**TO THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF SYNONYMOUS RELATIONS
IN THE RUSSIAN LANGUAGE IN 18TH CENTURY (ON MATERIAL
OF TRAVELERS' DIARIES AND DICTIONARIES' ENTRIES)**

Аннотация. Объектом исследования данной статьи являются синонимичные средства, используемые для определения значения лексем, которые были заимствованы (преимущественно из польского языка) в Петровскую эпоху. Язык текстов путевых записок рубежа XVII–XVIII веков, на материале которых проводится исследование, содержит множество новообразований того времени. Последние включают в себя как впоследствии освоенные русским языком единицы, так и вкрапления, обусловленные пребыванием автора в соответствующей языковой среде. На основе данных «Польского общего словаря...» К.А. Кондратовича (1775 г.) выявляются закреплённые в лексикографии изменения, касающиеся контекстуально обусловленных значений заимствованных слов.

Ключевые слова: лексические заимствования, полонизмы, семантическая адаптация, синонимы, толкование, лексикография.

Abstract. This article considers synonyms, used for interpreting the meaning of new loan words in the 18th century (mainly of Polish origin). The research is based on the texts of Russian travelers' diaries, written at the turn of the 18th and the 19th centuries. These texts are important linguistic sources for the historical investigation of Russian lexis, as their language includes a substantial number of new words. The meaning of new lexical units is compared with that of "The General Polish Dictionary" by K. Kondratovich (1775). The changes in lexicography, determined by functioning of borrowed words in the context of diaries, are examined.

Key words: loan words, Polish lexis, semantic adaptation, synonyms, definition, lexicography.

XVIII век был одним из наиболее сложных периодов в истории русского языка. В это время процесс приобретения свойств, необходимых для придания языку статуса национального средства общения, характеризуется действием разнонаправленных сил. Так, формирование стилистической системы литературного языка происходит, с одной стороны, за счет средств книжной речи, а с другой – привлекаются единицы народно-разговорного употребления. Все это сопровождается активизацией процесса заимствования, начало которого приходится на Петровскую эпоху. Ю.С. Сорокин справедливо определяет как результат данного противоречия явление недостаточности лексической системы языка того времени, и в то же время – избыточность функционально однородных средств [18, с. 21]. Таким образом, историко-лексикологическое исследование памятников письменности рассматриваемой эпохи с необходимостью предполагает выяснение роли иноязычных слов в развитии находящихся в отношениях синонимии средств русского языка.

Как известно, результаты исследования во многом определяются выбором материала, предоставляющего необходимые данные. Среди ценных для изучения лексики источников, таким образом, нужно назвать тексты *путевых записок*, созданные на рубеже XVII–XVIII веков.

© Ротарь В.В., 2011.

Язык этих произведений дает возможность проследить то, что исследователи называют этапом функционирования нового слова в речи: «известное время применения слова в речевых контекстах и осмысление его лишь на уровне этих контекстов» [2, с. 242].

К числу важных лингвистических источников XVIII века относятся также переводные словари, которые «особенно полезны для определения времени появления и существования слов» [18, с. 10]. Лексикографические работы, как известно, представляют собой основу для определения значения слова на определенном этапе его истории. В данной статье, преследуя цель изучения синонимических отношений, затрагивающих использование иноязычных слов в путевых записках, и вместе с тем – выявления особенностей развития отдельных единиц с точки зрения формирования их смысловой структуры, мы привлекаем для исследования «Польский общий словарь...» К.А. Кондратовича (1775 г.) (далее – Словарь).

Выбор этого труда из двух созданных автором лексиконов, которые имеют «определенное значение как первые опыты по отбору, нормированию и толкованию слов» [12, с. 62], не случаен. В первую очередь, укажем, что имеющийся в Словаре перевод с польского языка на русский, приближенный к эпохе создания названных путевых дневников, важен как материал фактического подтверждения использования полонизмов. Число же последних было весьма велико ввиду распространения польского языка в начале XVIII века [см. об этом подробнее: 3, с. 39-40]. Помимо этого, перевод определенных единиц языка-источника, сделанный около 80 лет после употребления их в текстах русских путешественников, позволяет проследить их развитие в диахронии. Отметим также, что «Польский общий словарь...» имеет одну важную особенность. Е.Э. Биржакова обоснованно пишет, что «в связи с задачей представить стилистические варианты Кондратович считает необходимым прибегнуть к приему подбора синонимов» [1, с. 102]. Следовательно, в этой работе имеются сведения

о том, какие именно средства русского языка, помимо заимствованных полонизмов, вступили в отношения синонимии в XVIII веке. Наконец, сопоставление аналогичного языкового материала в двух типах названных источников дает нам возможность проследить функционирование слов в разных аспектах: их закрепленность в языке (толкование значения в словаре) и в речи (использование на страницах путевых записок).

Итак, в первую очередь охарактеризуем использование в путевых дневниках новых в языке Петровской эпохи заимствований из польского языка, которые в словаре, судя по переводу, причисляются к тождественным по значению единицам: «*Balásy* – балясы, перилы» [8, с. 3], «*Gáneek* – перилы» [8, с. 29]. Однако контекст путевых записок способствует разграничению денотативного компонента значения полонизмов. Примеры употребления первого: «близко того костела на паперти зделаны *балясы*» [19, с. 34]; «чердак <...> за *балясами* — музыка» [9, с. 168]; «олтарь <...> разделен великими <...> *балясами*» [11, с. 39]; «лестница <...> с такими же *балясы*, где опор рукам есть» [11, с. 226]; «Место <...> разгорожено *балясами*, которые отворяются» [11, с. 228]. Отсюда можно заключить, что архитектурный термин *balasy* имеет значение «перила, балюстрада» [14, с. 16]; напротив, слово *ganek*, (в значении «крыльцо» [14, с. 173]) используется при описании части дома: «сидят неополитанских жителей жены и дочери-девицы, убрався изрядно, по *ганкам*» [19, с. 137]. Примечательно использование слова *перила*, – «невысокая ограда (обычно по краю лестницы, моста)» [16, с. 307], – для указания на часть предмета, обозначаемого иноязычным словом: «перед теми дверми <...> зделаны малые *ганки* с перилами» [19, с. 214].

Обозначенное выше явление просматривается и при сравнении функций заимствованных наименований строительных материалов. Так, очевидно, что отнесенность выделенных единиц к одной лексико-семантической группе является достаточным условием для использования их как единиц синонимического ряда: «*Gíps* – «гипс, алебастр,

вап» [8, с. 30] (ср.: пол. *gips* – «подмазка» [14, с. 181]). Для введения же этих лексем в тексты, как видно из приведенных ниже примеров, оказывается необходимым различие их семантики: «поделаны комины алебастровые, иные *гипсовые* изрядные» [19, с. 27]; «столп из *алебастру* и из *гипсу*» [19, с. 39]; «потолки – все *гипсовые* штукаторные» [9, с. 122]; «образ резной, *алебастровой*» [19, с. 200]; «из одного *алебастроваго* чистаго камня» [19, с. 182]; «Ратуша <...> вся нарезана *алебастром*, и из *алебастра* штуки вырезаны» [9, с. 132].

Обращает на себя внимание использование на страницах путевых дневников слов, отнесенных, как показывает лексикографическая практика, к одной реалии: «*Flásza* – сулея, бутылъ» [8, с. 28] (совр. пол. *flaszka* [13, с. 133]) (ср. также: «*Butel* – бутылъ, фляга, склянка» [14, с. 55]). Об этом говорит и использование авторской глоссы для пояснения значения заимствования: «ставить *бутельи*, или *суленки*, <...> на стол» [11, с. 77]. Тем не менее актуализация при помощи определения семы 'из стекла' при употреблении одного из полонизмов говорит о том, что их значение не было идентичным в начале XVIII века: «вин <...> шестьдесят *фляш* скляночных» [6, с. 101]; «поднесли королю две *фляшки* хрустальные с вином <...> и при них рюмках на подносе золотом» [11, с. 82]. Тенденция к использованию однословного наименования *бутылка*, закрепившегося впоследствии в русском языке, прослеживается в дневнике Б.И. Куракина, где на первый план выходит компонент значения 'единица измерения товара': «за *бутылку* ренскаго – гульден» [9, с. 138], «пива *бутылъ*» [9, с. 141].

Словарь К.А. Кондратовича содержит пример употребления заимствованных русским языком слов для перевода польской лексемы: «*Kasztelan* – каштелян, комендант» [8, с. 44] (ср. пол. *kasztelan* – каштелян [13, т. 1, с. 234]). Употребление этих единиц в путевых записках подтверждает, с одной стороны, возможность их использования для указания на один и тот же объект внеязыковой действительности; в то же время наблюдения над текстом позволяют констатировать про-

цесс закрепления лексем за разными функциональными сферами. Так, из семантических признаков слова *комендант* в путевых записках часто актуализируется сема 'военнослужащий', что сопровождается контекстуальным окружением этого слова, которое содержит термины военного дела: «*Камендан* в том городе один полковник, солдат три компании» [9, с. 126]; «Крепости в том городе никакой нет, ни *коменданта*» [11, с. 41]. В остальных случаях, как правило, используется полонизм: «В тот верхней город меня бес повеления *коштелянскаго* не пустили» [19, с. 124]; «В том замке живет *каштелян*» [19, с. 182]; «*Каштелян* <...> князь гишпанской некотораго своего владетелства» [19, с. 125]. В первой четверти XVIII века, однако, значение слова *каштелян* полностью приняло на себя заимствование *комендант*: «хранитель градский, воевода городовый» [10, с. 371].

Далее, в Словаре мы находим похожий пример, иллюстрирующий закрепление в словарном составе русского языка слова *солдат*, ставшего единицей русского словаря в XVII веке – до активизации притока полонизмов [17, с. 278–279]: «*Zołnierz* – солдат, воин, служивый» [8, с. 160] (совр. пол. *żołnierz* [13, с. 804]). Употребление польской лексемы на страницах путевых записок целесообразно определить как единичное вкрапление: «корчма <...> *желнерская*» [19, с. 36]. Это обусловлено, надо полагать, широкой распространенностью слова *солдат*, границы значения которого не были достаточно четкими для причисления его к разряду терминов. Это доказывается наличием определений, ограничивающих объем значения лексемы: «*солдаты для сторожи* от воровских людей» [19, с. 126]; «*салдаты гвардии*» [11, с. 63]; «дачи <...> компании конницы, и пехоты салдатам» [11, с. 181]; «на управление <...> морских салда-тов и матросов» [11, с. 209].

Явление замещения полонизма, которое переводится в словаре как «караул», – *warta* [8, с. 205] (совр. пол. *warta* [13, с. 675]), иноязычным словом из другого источника (ит. *guardia* – «караул, стража» [15, с. 381]) также нашло отражение в путевых записках. Поль-

ское слово встречается лишь в дневниках П.А. Толстого и А.А. Матвеева: «стоит *варта*, то есть *караул*, салдаты на ево плате» [19, с. 20]; «*варта* города Парижа» [11, с. 140]. Вхождение же в русский язык лексемы *гвардия*, об эквивалентном значении которой можно судить по аналогичному «переводу» («стоит караул, салдаты с ружьем» [19, с. 30]; «стоит гвардия, то есть караул» [19, с. 147]) превышает 60 употреблений в исследуемых текстах «путешествий».

Здесь же отметим факт вытеснения из языка рубежа XVII–XVIII веков польского слова латинизмом; последний в Словаре уже используется для перевода исконной единицы: «*Rzecz pospolita* – речь посполитая, общество, республика» [8, с. 15] (совр. пол. *rzeczpospolita* – республика, как историзм – название государства Речь Посполитая [13, с. 548]), которое на страницах «путешествий» используется в единичном случае: «наяснейшей Речи Посполитой <...> и иным *речам посполитым* <...> благо объявляем» [19, с. 6]; «на плате Венецкой *республики*» [19, с. 117]; всякие дела делают общей *республикою*» [19, с. 115]; «капитан <...> венецкому князю и всей *республике* чинил присягу» [19, с. 117]. Рассмотренные в этом пункте примеры, как видно, свидетельствуют о снижении в течение века роли польского языка как непосредственного источника иноязычных слов.

Следует заметить, что толкование значений неизвестных слов, – как правило, новых заимствований, – явление, типичное для языка путевых записок рубежа XVII–XVIII веков. Этот лексикографический прием, предполагающий использование тождественных по значению единиц, сближает тексты со словарными работами той же эпохи. Рассматриваемые источники также содержат образцы, подтверждающие устойчивость синонимических отношений для некоторых слов на протяжении всего XVIII века: «четыре вещи <...> на одной написан *элемент*, или *стихия*, земля, на другой – вода» [19, с. 92] – «*Zywiol* – элемент, стихия» [8, с. 253] (совр. пол. *żywiol* [13, с. 806]); «приехал я в *шпиталь*, то есть в *болницу*» [19, с. 90] – «*Szpitalny chorych* – го-

шпиталь, больница» [8, с. 189] (ср. пол. *szpital* – госпиталь, больница богадельня; *chory* – больной [14, с. 609, 67]); «тот *порт*, еже есть *пристанище*» [19, с. 120]; «в *порте*, или в *пристани*, Луиса» [11, с. 185] – «*Port* – пристань, пристанище, порт» [8, с. 135]. Из данной группы выделяется пример, из которого можно заключить об эквивалентности значения лексем, которые позже семантически размежевались: «*Broskwinia drzewo* – персики, шаптала (и плод онаго также) [8, с. 11] (ср. пол. *brzoskwinia* – персиковое дерево; персик; шептала [14, с. 49]) – «множество дерев лимонных, <...> *персек*, или *шепталь*» [19, с. 66] (ср.: «*Шептала* – вяленые абрикосы и персики» [5, с. 728]).

Далее мы проследим случаи раскрытия в рассматриваемых источниках семантической структуры новых заимствований, отражающие это явление в процессе. Например, перевод принятого русским языком слова *корона* в Словаре: «*Koryna kroljwska* – венец царский, корона, диадима» [8, с. 50] (пол. *korona Krylewska* [14, с. 250]) отражает результат закрепления за заимствованием в качестве ядерных соответствующих компонентов значения, начальный этап которого прослеживается на страницах путевых записок. В текстах путевых дневников *корона* определяется как ‘символ государственной власти’: «сокровище церковное: <...> вначале *корона*, или *венец золотой*, *царя Константина*» [19, с. 98]; «*грандука*, то есть великой князь, который имеет *корону*, то есть *венчанной*» [19, с. 232], а также ‘головной убор’: «несли шапку ево [князя], которую они [поляки] называют *короною*» [19, с. 98].

При сопоставлении текстов «путешествий» и Словаря на предмет применения перевода слова с иностранного языка на русский язык для разъяснения его смысла особо следует выделить группу единиц церковно-религиозной терминологии. Как видно из наблюдений над путевыми записками, перед их авторами возникает задача сделать доступным для понимания русским читателем слова, обозначающие явления католической ветви христианства, которые тем не менее имеют

соответствия в православии. Круг средств для решения поставленной задачи широк. Как правило, применяется старый исконно-русский термин с определением, уточняющим конфессиональную отнесенность реалии: «слушел *миш*, то есть обедни римской» [19, с. 26]. А. А. Матвеев, помимо этого, использует для толкования иностранного слова устойчивое сочетание, близкое по структуре к единицам русского языка и, соответственно, не требующее перевода: «*мишу*, или службу божию <...> отправляют» [11, с. 38], «отслушав *миссы*, или божей службы» [11, с. 39] (ср.: пол. *szłużba boża* – богослужение [14, с. 572]). На иноязычный характер данного словосочетания указывает факт его «перевода» иноязычным же словом: «Службу божию, или миссу церемониальную, <...> отправляют» [11, с. 104]. Словарь К. А. Кондратовича переводит польское *Missa, msza* как «обедня, литургия» [8, с. 75]. Отметим, что этот перевод имеет лишь частичное отражение в текстах путевых записок, поскольку здесь грецизм *литургия* в большинстве случаев выступает в роли единицы православной терминологии: «слушел святые литургии в греческой церкви» [19, с. 117].

Если исходить из произведений русских путешественников как первичного источника формирования значения заимствованных слов, то перевод в Словаре следующей лексемы, называющей атрибут христианского богослужения, в большей степени соответствует этому значению: «*Oplátki* – облаты (просфоры римские)» [8, с. 114]. Использование нового польского и древнего греческого заимствований на страницах путевых записок четко дифференцировано согласно описанию католического либо православного обрядов: «сосуд <...> в котором ставят римляне освященные *оплатки*» [19, с. 31]; «подносили ему, королю, в сосуде несколько *оплатков* для избрания его к посвящению сакраменту» [11, с. 162]; «всю обедню чинили обыкновением греческим <...>, имея едину *просфиру*, на которой есть пять печатей» [19, с. 189].

Весьма интересно далее проследить способ вхождения в русский язык слова, много-

значного не только в языке-источнике (около 7 значений лат. *familia* [4, с. 415]), но и в языке-посреднике (пол. *familia* – семейство; род, племя, дом, происхождение [14, с. 157]). Здесь мы наблюдаем, с одной стороны, факт формирования семантической структуры слова, являвшегося иноязычным неологизмом в языке рубежа XVII–XVIII веков, в текстах путевых записок, и с другой – функционирование лексемы в Словаре как результат этого процесса. Здесь можно утверждать, что в качестве основного значения слова *фамилия* при использовании его в текстах выступает то, которое служит средством перевода в Словаре: «*Plemię* – племя, фамилия, род [8, с. 124]» (ср. пол. *plemię* [14, с. 449]); «*Ród* – род, фамилия» [8, с. 158]. В частности, на это указывает способ толкования заимствования в путевых записках: «из иных <...> *фамилий*, или родов» [11, с. 180]; «Сей ныне государствующей дом, или *фамилия* королевская»; [11, с. 102]; «Дом, или *фамилия*, дуков де ля Тур д’Овергии» [11, с. 195]. Ср. также значение слова в следующих контекстах: «архирей униатской – *фамилии* Белозер»; [9, с. 101]; «служители <...> из простых взяты *фамилий*, а не из шляхетства» [11, с. 109]; «по за старости своей *фамилии* <...> выходят в бароны» [9, с. 191]; «*фамилия* [князя] вся перевелась» [9, с. 136]; «больших *фамилий* люди» [9, с. 145]. Перевод в Словаре «*Familia* – семейство, домочадство» [8, с. 27], таким образом, говорит об отсутствии решающего воздействия значения польского заимствования на характер его семантической адаптации в русском языке XVIII века.

В заключение рассмотрим особенности использования в текстах путевой литературы польских слов, которые, согласно Словарю, можно определить как дублеты. Как объекты перевода при помощи синонимического ряда они даны в одной статье: «*Kapłan, ksiąz* – поп, священник, иерей, пресвитер» [8, с. 43] (совр. пол. *ksiądz* [13, с. 228]). Факт приведения толкования лишь к одному из них на страницах путевых записок свидетельствует о более раннем вхождении второго. В качестве образца можно привести следующий контекст: «*ксондз* <...> приложивши руку до персей

своих, по обыкновению *капланскому*, то есть священническому» [19, с. 124]. С другой стороны, мы встречаем более частое использование слова *ксендз* в привычном без пояснения значении «римский священник»: «*ксендз римской*» [19, с. 17]; «тут римская каплица, и *Ксендз Кармалитан*» [6, с. 67]».

Похожая тенденция прослеживается в отношении польских слов *kunst* и *sztuka*, имеющие значение «искусство, художество» [14, с. 263, 609]. Как видно из перевода в Словаре, — «*Kúnszt, sztúka* – художный куншт» [8, с. 58], — первый из синонимов был в более активном употреблении в языке XVIII века. Тексты путевых дневников, однако, показывают, что в период их создания слово *куншт* было неологизмом: «видел <...> *кунштов*, то есть образцов изряднаго мастерства резнаго» [19, с. 91]. Частое использование другого польского синонима *sztuka*, напротив, отражает период пребывания его в составе общеупотребительной лексики русского языка; «травы в нем [в саду] и цветы <...> посажены дивными штуками» [19, с. 40]; «зделана фантана изрядною *штукою*» [19, с. 40]; «фантаны, ис которых текут *штуками* воды изрядные, чистые» [19, с. 66]; «с 90 *штук* разных иероглифов» [11, с. 53].

Итак, следует заключить, что произведения путевой литературы, если рассматривать их как самостоятельный лингвистический источник, имеют исключительное значение для исследования истории заимствованной лексики в русском языке. Процесс формирования отдельных лексико-семантических групп, адаптация новых единиц как с формальной, так и смысловой стороны и стабилизация словарного состава в соответствии с потребностями общества – все эти, а также многие другие аспекты проблемы заимствования, нашли отражение в языке текстов русских путешественников. С другой стороны, посредством сравнения использования иноязычных слов в данных памятниках письменности с результатом кодификации в лексикографии дает дополнительные сведения о процессе обогащения лексики и тех семантических трансформациях, которые происхо-

дили в эпоху формирования русского литературного языка XVIII века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Биржакова Е.Э. Русская лексикография XVIII века. – СПб., 2010. – 212 с.
2. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского литературного языка XVIII века. Л., 1972. – 432 с.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – М., 1982. – 529 с.
4. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М., 1976. – 1096 с.
5. Дубровский Н.А. Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием их корней. – М., 1914. – 770 с.
6. Записка путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в Европейские государства (1697–1699) // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. Вып. I. – М., 2000. – С. 60–152.
7. Записки неизвестной особы о путешествии по Германии, Голландии и Италии // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. – М., 1988. – С. 163–184.
8. Кондратович К.А. Польский общий словарь и библейный, с польскою, латинскою и российскою новоисправленною библиями смечиван; И по порядку книг, глав и стихов, / Тройственным штилем, высоким, средним и простонародным на российский язык переведен коллежским ассессором Кирияком Кондратовичем. – СПб., 1775. – 292 с.
9. Куракин Б.И. Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина 1705–1710 // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. 1. – СПб., 1890. – С. 101–240.
10. Лексикон вокабулам новым по алфавиту // Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. – СПб., 1910. – С. 363–382.
11. Матвеев А.А. Архив, или Статейный список, Московскаго посольства, бывшаго во Франции из Голландии инкогнито в прошлом, 1705 году, сентября в 5 день // Русский дипломат во Франции (записки Андрея Матвеева). – Л., 1972. – С. 31–236.
12. Никитин О.В. Кириак Андреевич Кондратович (1703–1788) // Русская речь. – 2003. – № 1. – С. 59–67.
13. Польско-русский словарь / под ред. М.Ф. Розвадовской. – М., 1958. – 816 с.

14. Потоцкий Ф.А. Словарь польского и русского языка, составленный по новейшим и лучшим источникам. Т. 1. – Лейпциг, 1909. – 777 с.
15. Скворцова Н.А., Майзель Б.Н. Итальянско-русский словарь. – М., 1963. – 954 с.
16. Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 14. – М., 1988. – 311 с.
17. Смирнов Н.А. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого / Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. – СПб., 1910. – С. 39–40.
18. Сорокин Ю.С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII века // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). – М.-Л., 1966. – С. 7–34.
19. Толстой П.А. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699 г. // Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699. – М., 1992. – С. 5–248.

УДК 811.161

Финько О.С.

Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт

КОНЦЕПТ «ХЛЕБ» В ТРАДИЦИОННОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ КУБАНИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАНИЦЫ ЧЕРНОЕРКОВСКОЙ)

O. Finko

Slavyanskiy-on-Kuban State Pedagogical Institute

CONCEPT «BREAD» IN THE TRADITIONAL KUBAN WEDDING CEREMONY (ON THE MATERIAL OF STANITSA CHERNOERKOVSKAYA)

Аннотация. В статье рассматривается терминология и обрядовое использование хлеба в кубанском свадебном обряде на фоне родственных традиций. Сопоставление позволяет выявить элементы исходного украинского обряда, заимствования из других традиций, а также новообразования в обрядовой стороне кубанской свадьбы. Исследование основывается на сообщениях информантов, проживающих в станице Черноерковской Славянского района. Изучение обрядности на материале одного поселения способствует преодолению случайного выбора реальных для анализа и позволяет реализовать принцип системности.

Ключевые слова: этнолингвистика, лингвокультурология, концепт, обрядовая семантика, символы.

Abstract. The article deals with the terminology and ritual use of the bread in the Kuban wedding ceremony on the background of the kindred traditions. The comparison allows to find out the starting basis of Ukrainian ritual, the elements borrowed from the other cultural traditions and to discover new elements in the Kuban ritual. The investigation is based on the narrations of the informants from the village Chernookovskaya of Slavyansk region. The study of the rite on the material of one settlement helps to avoid random sample of objects for analysis and allows to implement the systems principle.

Key words: ethnolinguistics, linguistic cultural study, concept, ritual semantics, symbols.

В традиционной культуре славян хлеб относится к числу наиболее важных в сакральном плане видов пищи и является символом здоровья, богатства и плодородия. Архаичный характер носит представление о святости хлеба, и даже в повседневной жизни земледельческих славянских народов хлеб «сделался предметом священным» [8, с. 125]. Считается, что хлебом человека наделяет Бог, в то же время хлеб сам есть живое, божественное существо [7, с. 123]. Невероятно велико значение хлебных изделий в славянских свадьбах, причем их обрядовое употребление навеяно как христианскими, так и языческими мотивами.

© Финько О.С., 2011.